

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО МЕТАФИЗИКЕ

(Рецензия на книгу: *Круглов А.Н.* Тетенс, Кант и дискуссия о метафизике в Германии второй половины XVIII века. М. : Феноменология и Герменевтика, 2008. 425 с.)

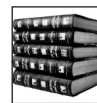
Е. Н. БЛИНОВ

Монография известного специалиста по немецкой философии А. Н. Круглова посвящена одной из важнейших научных дискуссий второй половины XVIII в. Свою задачу автор, по его собственным

словам, видит в ответе на вопрос: почему в середине XVIII в. статус метафизики – некогда «царицы наук» – оказался спорным¹. Формальным поводом к дискуссии послужил конкурс об очевидности в метафизике, объявленный в 1763 г. Берлинской академией наук, на который откликнулись ведущие молодые мыслители Германии того периода, такие, как Ламберт, Мендельсон и Кант, а наиболее исчерпывающим, как принято считать, ответом – кантовская критическая философия, основные положения которой были сформулированы два десятилетия спустя. Но уже в середине века стремительный прогресс естественных наук, казалось, вот-вот оставит не у дел школьных метафизиков с их громоздкими системами и бесконечными диспутами по самым незначительным вопросам. Таким образом, задача радикального реформирования метафизики имела не только методо-

¹ Круглов А. Н. Указ. соч. С. 13.

логическое, но и сугубо практическое и даже институциональное значение: ближе к концу века финансирующие университеты просвещенные монархи все меньше интересовались теологическими прениями и все больше – созданием физических и химических лабораторий. По замечанию Круглова, предлагая Канту занять престижную кафедру философии в Халле, прусский министр фон Цедлиц полагался на исключительное качество его лекций по физической географии. Так давний спор о статусе метафизики выходит за рамки узкоспециального исследования по философии XVIII в. и обретает новый смысл в контексте новейшего «спора факультетов».

Последовательность имен в главе недвусмысленно дает понять: главным персонажем для Круглова является именно Тетенс, а не его знаменитый современник. Ведь именно ранняя работа Тетенса «Мысли о некоторых причинах, почему в метафизике существует лишь небольшое число прочно установленных истин» (1760), как полагает автор, послужила катализатором дискуссии, разгоревшейся несколько лет спустя. А более позднее его сочинение – «Спекулятивная философия» (1775) – он считает, наравне с «Критикой чистого разума», одним из важнейших ее итогов.

Иоганус Николаус Тетенс (1736–1807) был для своего времени знаковой фигурой, чей круг интересов простирался от театральной критики до банковского страхования. Причем, как указывает Круглов, вплоть до выхода «Критики чистого разума» академическое реноме Тетенса было существенно выше кантовского. Сам Кант

высоко ценил работы своего коллеги: по широко известному замечанию Гамана, «Философские опыты о человеческой природе и ее развитии» (1777) лежали на столе перед кенигсбергским философом на заключительном этапе работы над первой «Критикой». Но, несмотря на высокие оценки коллег по философскому цеху, творчество Тетенса до недавнего времени интересовало главным образом историков психологии. Кроме того, на фоне очередного всплеска интереса к характеру юмовского влияния на Канта, Тетенс нередко стали представлять своего рода «транзитивной» фигурой, так как его «Опыты» содержали подробный анализ «Трактата о человеческой природе», тогда еще недоступного полностью в немецком переводе.

По мнению Круглова, несправедливость подобных оценок можно устранить только одним способом: обратившись ко всему корпусу философских сочинений Тетенса. Именно в этом состоит его упрек значительной части исследователей, которые, зачастую ограничиваясь «Опытами», практически игнорируют его метафизику. А ведь именно в придании метафизике статуса строгой науки сам Тетенс, подобно Канту, видел свою главную задачу. Мнимое противоречие между метафизикой и науками о природе устраняется путем построения онтологии «в пределах только разума». В этом смысле позиция автора идет вразрез с господствующим мнением об однозначном доминировании теории познания в философии Просвещения: на примере Тетенса он наглядно показывает, что на фоне ярко выраженного «эпистемологизма» эпохи уже

назревал «онтологический переворот», осуществленный в рамках немецкого идеализма.

Стоит отметить, что отечественные исследователи уже неоднократно обращались к творчеству Тетенса, о чем свидетельствуют известные работы В.А. Жучкова и В.В. Васильева². Но если Жучкова интересовали главным образом предшественники Канта, а Васильев подчеркивал роль Тетенса в формировании антисубстанциалистской концепции «Я», то для Круглова Тетенс – это вполне самостоятельная фигура³. Как результат, монография Круглова – наиболее обстоятельная работа по Тетенсу на русском языке. Колоссальный библиографический аппарат, скрупулезная работа с архивами, поистине немецкая дотошность при анализе источников позволяют говорить о ней как об одном из наиболее ценных исследований по немецкой философии XVIII в., появившихся в постсоветский период. Именно эта скрупулезность может отпугнуть неподготовленного читателя, но, стоит отдать должное автору, он всякий раз привлекает самый широкий контекст, который позволяет ориентироваться в самых, казалось бы, технических вопросах.

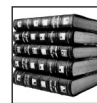
Среди других достоинств монографии, которые позволяют ре-

комендовать ее не только узким специалистам, – тщательный анализ терминологических и, в более широком смысле, языковых проблем, стоявших перед немецкой философией того времени. Самой главной из этих проблем был перевод латиноязычной философской терминологии на немецкий, поэтому в работе Круглова мы находим историю перевода и употребления таких ключевых для понимания кантовской философии понятий, как трансцендентный/трансцендентальный или каузальность/причинность. При этом, как замечает автор, сама обоснованность подобной процедуры не раз ставилась под сомнение: Фридрих Великий был известным франкофилом и даже во вверенной ему Берлинской академии наук насаждал язык Вольтера и Руссо. Тетенс, как и Кант, еще вынужден был отстаивать философский потенциал немецкого языка перед многовековой латинской традицией и перед наступлением французского, имевшего в XVIII в. почетный общеевропейский статус. Представители немецкого Просвещения, таким образом, подготовили грядущий триумф немецкого идеализма, хотя от Лейбница до Фридриха ученые мужи переходили с латыни на французский⁴. Любопытно, что Тетенс, задолго до

² Жучков В. А. Из истории немецкой философии XVIII века. М.: ИФ РАН, 1996. Васильев В. В. История философской психологии. Западная Европа – XVIII век. Калининград: ГПТ, 2003.

³ Васильев, впрочем, не умаляет значение «Опытов» Тетенса, напротив, по его словам, «немецкой философии оказалось просто не по силам ассимилировать сразу два фундаментальных трактата» (указ. соч. С. 365).

⁴ Хотя, как нам кажется, недалек тот час, когда неанглоязычные ученые вновь вынуждены будут доказывать свое право выражаться на родном языке. В немецкоговорящей научной среде все чаще высказываются опасения по этому поводу. См., напр.: Ammon U. Ist Deutsch noch internationale Wissenschaftssprache? De Gruyter: B.; N.Y., 1998.

Фихте и Гегеля, считал метафизику «собственностью немцев», отделяя ее от «британской наблюдающей» и «французской рассуждающей» философии. Как подчеркивает Круглов, Тетенс, как и позднее Кант, видел свою задачу в «синтезе рационализма и эмпиризма».

Интересно также замечание автора о том, что до распространения кантовского понятия «синтез» в Германии XVIII в. имел хождение термин «эклектизм», который противопоставлялся «догматизму» и «сектантству». Под эклектикой же понимался отказ от буквального следования школьным учебникам по метафизике (в объяснениях о лекциях неизменно указывались курсы «по Баумгартену», «по Федеру» и т.д.). И лишь с утверждением немецкого идеализма с его *Systemgeist* понятие эклектики было дискредитировано. Это, на наш взгляд, лишний раз доказывает относительность любого рода историко-философских клише и общих оценок. От себя мы могли бы добавить, что, к примеру, термин «эмпирик» в английском языке XVIII в. имел вполне определенную негативную коннотацию, обозначая врача, практикующего без медицинского диплома, что примерно соответствует русскому просторечному «коновал»⁵.

Среди отдельных спорных моментов работы стоит указать на несколько упрощенную трактовку юмовского влияния на Канта, которое автор склонен усматривать во второй аналогии опыта из «Критики чистого разума». При этом автор лишь вскользь упоминает о критике Тетенсом юмовской антисубстанциалистской теории «Я», которая вполне могла повлиять на Канта. И хотя вторая аналогия действительно длительное время находилась в центре внимания исследователей, ряд новейших работ значительно расширяет наши представления о заочной полемике Канта с юмовским скептицизмом⁶. Но это относится не к недостаткам, а, скорее, к упущенным возможностям работы, тем более что автор принципиально сосредоточивается на эволюции мысли Тетенса, а не на ее гипотетическом влиянии на Канта.

В целом выводы Круглова звучат парадоксально: критическая философия Канта при всей ее революционности «практически следует всем разделам метафизики XVIII века», тогда как «Опыты» Тетенса «из этой структуры выбиваются»⁷. Сказанное относится и к тяжеловесной кантовской манере изложения, которая при всем своем академизме оказалась для многих профессоров философии значительно понятнее стилистических

⁵ Свой нынешний позитивный смысл «эмпиризм» приобрел не ранее конца XIX в. См. об этом: *Livingston D. W. Philosophical Melancholy and Delirium: Hume's Pathology of Philosophy*. Chicago: University of Chicago Press, 1998. P. 4.

⁶ О разнообразии точек зрения на вопрос см. новейшие работы: *Waxman W. Kant and the Empiricists: Understanding*. N.Y. : Oxford University Press, 2005; *Guyer P. Knowledge, Reason, and Taste: Kant's Response to Hume*. Princeton: Princeton University Press, 2008.

⁷ Круглов А. Н. Указ. соч. С. 176.

изысков Тетенса. В итоге именно Кант спас метафизику от преследовавших ее «постоянных насмешек», а Тетенс самоустранился от полемики с критической философией, отказавшись даже от славы ее основного оппонента. Но в том, что философия Тетенса заслуживает пристального внимания даже на фоне кантовского критицизма, работа Круглова не оставляет никаких сомнений.

Эта книга дает нам поучительную картину кризисного этапа не-

мецкой академической философии и вполне может рассматриваться в русле недавней «реабилитации метафизики», вырвавшейся из-под пресса сциентизма и благополучно миновавшей очередной «лингвистический поворот». Поэтому, как ни удивительно появление столь солидно фундированного исследования на русском языке, оно внушает робкую надежду, что у научной философии в нашей стране все-таки есть будущее.